

Оглавление

Часть 2. Сломанные крылья

1.....	3
2.....	12
3.....	18
4.....	21
5.....	27
6.....	34
7.....	41
8.....	47
9.....	51
10.....	58
11.....	65
12.....	72
13.....	81
14.....	86
15.....	93
16.....	100
17.....	107
18.....	114
19.....	121
20.....	125
21.....	129
22.....	135
23.....	142
24.....	147
25.....	153
26.....	157
27.....	162

Часть 3. Жаворонки возвращаются весной

1.....	169
2.....	178
3.....	186
4.....	192
5.....	200
6.....	209
7.....	217
8.....	223
9.....	228
10.....	237
11.....	243
12.....	252
13.....	259
14.....	266
15.....	273
16.....	280
17.....	292
18.....	301
19.....	307
20.....	315
21.....	323
22.....	330
23.....	336
24.....	344
25.....	351
Эпилог	360

**Часть 2.
Сломанные крылья**

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжелой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы...

А. Фет

1.

Чем дальше на север везли Дмитрия, тем холоднее и пустынное становились просторы русской империи. Здесь уже царствовали снежные бураны и мертвые льды. Казалось, ничего живого не могло существовать в этом искристо-белом морозном хаосе, в котором терялось и замерзало горячее человеческое сердце.

Бесконечные хвойные леса сгибались под тяжестью снега. Даже белое низкое солнце казалось холодной прозрачной льдинкой, примерзшей к безжизненному небосводу.

Жандармы надели серые плотные шинели и не страдали так жестоко от лютого холода, как Дмитрий, едва прикрытый тонким плащом. Он простудился и все время кашлял. Конвоиры пожалели юношу и выпросили для него на почтовой станции тулуп. Укутавшись в него и выпив несколько чашек горячего чаю, сидя возле жарко пылающей печки, Жаворонок, наконец, отогрелся

и погрузился в блаженную полудрему. Он даже увидел сладостный сон, будто Оля обнимает и целует его, шепча что-то нежное и радостное. Он улыбнулся своему светлому видению. Жандармы, наблюдавшие за ним из-за обеденного стола, переглянулись и тоже улыбнулись — с грустью и сожалением. За неделю пути они успели так искренне привязаться к нему, будто он был не арестантом, а их товарищем.

Гатчина уже находилась всего в нескольких верстах. Скоро они передадут Дмитрия военным, и их задание закончится. Жандармы чувствовали, что им жаль расставаться с юношей, который разбудил в их сердцах живые струны.

Пора уже было ехать, но они не тревожили его.

— Пускай поспит! — шепотом сказал Кречетов. — Скоро у него не будет покоя ни днем, ни ночью. Бедняга!

Они с жалостью посмотрели на его безмятежное просветленное лицо...

Гатчина встретила их серым тяжелым небом, бесчисленными казармами и шлагбаумами, выкрашенными в белые, черные и красные цвета.

Город был похож на мрачную прусскую крепость. Чем-то чужим и суровым веяло от всех его зданий и широких плацев, где по целым дням маршировали шеренги солдат. И над всей этой огромной каменной тюрьмой — символом тупой казарменной солдатчины и самодержавного деспотизма — возвышались два гордых дворца резиденций Павла I.

Дмитрий с тревогой и тоской наблюдал эту безрадостную картину, пытаясь представить себе, как он будет здесь жить, служить и страдать. И не мог представить...

Где-то совсем рядом был царский Петербург с его дворцами, балами и веселыми развлечениями. Там он блистал когда-то на сцене, мечтал о славе и любви.

И куда все это исчезло теперь? О чем ему мечтать и петь, кого любить? Юноше казалось, что жизнь закончилась. Сколько ему будет лет, когда он выйдет отсюда? Кажется, пятьдесят...

Пройдет полжизни! Жаворонок содрогнулся от ужаса.

Видя подавленное настроение своего подопечного, Кречетов и Стоянов старались как-то его приободрить, но он не слышал их. Как потерянный, Дмитрий вошел в ворота армейской части, крепко пожав на прощанье руки своим благородным конвоирам, не скрывающим расстроенных чувств.

Сопровождающий Дмитрия солдат привел его в небольшую унылую комнату, в которой из мебели были только стол, два стула и шкаф для казенных бумаг. Сидящий за столом офицер с бледным холодным лицом поднял на него пристальные колючие глаза.

— Фамилия, имя отчество? — спросил он бесцветным голосом. — К какому сословию принадлежишь?

Он задавал вопросы отрывисто и неприязненно, будто обдавал ледяной водой. Жаворонку стало неуютно и тоскливо. Он нехотя отвечал напыщенному господину, который, пронизывая его острым взглядом, записывал данные в реестр.

Потом Дмитрия переодели в казенную форму и остригли его роскошные волосы. Он чувствовал себя так, будто его поведут на распятие. Объяснив ему армейский устав, его определили в роту и отвели в казарму. От ужина он отказался, так как от волнения ему кусок в горло не лез.

Когда протрубили вечернюю зорю, он лег на узкую жесткую койку в спальне, где расположились двадцать новобранцев, и уставился в потолок. Он не мог уснуть, и мысли, одна тоскливее другой, одолевали

его до самого утра. Он будет солдатом двадцать пять лет! Если выживет...

Вспомнились Оля и Катя — такие разные, и по-разному любящие его, но одинаково родные. Казалось, что они стоят рядом с ним, неуместные до боли в этой суровой казенной обстановке.

Дмитрий устало закрыл глаза. Если бы можно было хоть на минуту погрузиться в сон и обо всем забыть! Но ему не дано такое счастье, между тем, как остальные рекруты мирно похрапывали на своих койках.

В казарме было холодно и темно, как в могиле. В черные окна тревожно билась метель. Дмитрий дрожал под тонким колючим одеялом и согревал себя воспоминаниями о жарких ночах с любимой Оленькой. Потом спохватился и с горечью подумал о том, что теперь она ненавидит его, как своего заклятого врага. Это по ее навету его отправили прямиком в ад, из которого ему, наверно, не вырваться до конца жизни...

Он понимал, что почти предал ее, убежав с Катей. Что только ей пришлось пережить! Унижение, ревность, отчаяние, желание забыть его, в то время, как сердце сгорало от любви... Спасая одну, Дмитрий обрек на жестокие муки другую. Имел ли он на это право? Наверное, справедливы слова Черкасова о том, что ему не нужно было вмешиваться в отношения барина и крепостной.

Но тут же юноша вспоминал, как страдала Катя, и снова верил в то, что поступил правильно. Вот только пожертвовал он ради этого самым главным в жизни — своей любовью...

Хотя, если любишь, нужно доверять друг другу. Он сказал Оле, что ни в чем не виноват. Но вместо понимания она ответила на его откровенность мстью. Взамен своей большой любви Дмитрий получил предательство. Так кто же из них был виноват больше?

Юноша ворочался на жесткой постели и тяжело вздыхал. Рассвет застал его бодрствующим и окончательно сломленным. Когда он закрыл глаза, и его, наконец, одолела дрема, в казарме раздался пронзительный звук трубы. Новобранцы вскочили и бросились впопыхах одеваться. На утреннюю переключку нельзя было опаздывать, иначе попадешь на гауптвахту.

Рекруты выстроились на плацу нестройной шеренгой. Они еще не привыкли к строю и дисциплине, да и мундиры висели на них как-то мешковато и неопрятно.

Вдоль шеренги легким чеканным шагом прошелся стройный молодой унтер-офицер, который окинул новоиспеченных солдат критическим и насмешливым взглядом.

— Ану, подтянуться! Грудь вперед, плечи расправить! Что у вас с обмундированием? Почему не в порядке? Вы же солдаты, а не оборванцы!

Рекруты только сконфуженно переступали с ноги на ногу, неловко одергивая мундиры. Чуть ли не час унтер-офицер пытался привести их в должный вид, пока не выбился из сил. На смену ему вышел пожилой штабс-капитан, который рассказал солдатам об истории их полка, его участии в русско-турецких войнах и разгроме Наполеона. Рекруты слушали с интересом, вытянувшись перед офицером, будто перед генералом. Боялись, что он также поднимет их на смех и начнет обтесывать со всех сторон.

Но эти два офицера обращались с ними более-менее сносно. Узнать, почем фунт лиха, им пришлось, когда они попали под командование поручика Вадима Генриховича Миллера. Хуже всех пришлось Дмитрию, которого этот вояка с немецкой родословной возненавидел с первого дня учений.

Худой и длинноногий, как журавль, Миллер медленно прошелся вдоль строя притихших солдат,

пробуравив каждого острым взглядом серых холодных глаз. Светлые волосы его были уложены в идеальный пробор, тонкие губы неприязненно сжаты. На лице поручика было такое выражение, будто он наелся кислоты. Зато мундир на нем сидел безупречно, с неким заграничным лоском, а высокие сапоги были начищены до солнечного блеска. Видно было, что Миллер — поклонник немецкого порядка, и не только в одежде, как оказалось потом. Он не терпел и не прощал малейшей погрешности во внешности и выправке солдат, а об его повышенных требованиях к строевой подготовке и говорить не приходилось. В этом вопросе Миллер был ужасным педантом и тираном. Начал он с того, что поставил перед строем солдата, у которого оказалась не застегнута одна пуговица на мундире, и заставил его отжаться на руках сто раз. На шестидесятой попытке бедняга, не отличавшийся дюжиной силой, упал на плац в полуобморочном состоянии.

— Встать, каналья! — бушевал Миллер, избивая его ногами. — Или отправишься в карцер!

Дмитрий не выдержал и сказал, еле сдерживая гнев:

— Ваше благородие, разве вы не видите, что он не может подняться?

Миллер уставился на него, будто на ядовитую змею.

— Как посмел? — заорал он. — Говори, кто таков?

— Рядовой Дмитрий Северцев! — спокойно от-
рапортовал тот.

Поручик впился в него яростным взглядом, старательно выискивая, к чему придраться. Но внешность Дмитрия была безупречной. Мундир выглажен и аккуратно подогнан, сапоги старательно начищены, воротничок — белый, как снег, осанка — ровная. В его

фигуре чувствовалась благородная порода и стать, а во взгляде — достоинство, более подходящее для аристократа, чем для простого солдата. Остальным рекрутам он казался гордым соколом, попавшим в воробьиную стаю.

Миллер задохнулся от изумления и возмущения.

— Как стоишь перед офицером, быдло? — заорал он иступленно.

Дмитрий не опустил глаз под уничтожающим взглядом поручика, и это еще больше разозлило его. Он потемнел лицом, будто грозовая туча.

— Чем я нарушил устав, ваше благородие? — спросил Северцев в звенящей тишине. Рекруты смотрели на него с недоумением и испугом, чувствуя, что Миллер за его дерзость сдерет с него шкуру.

— А вот я тебе покажу, чем! — воскликнул поручик. Он погнал солдат по плацу, заставляя их сотни раз, без отдыха, повторять одни и те же движения, маршировать, колоть штыком набитые соломой мешки, стрелять по мишеням. И что бы ни делал Дмитрий вместе с остальными солдатами, всегда рядом с ним был Миллер, который гонял его и муштровал намного жестче, чем других новобранцев. Однако так и не смог поймать его на какой-нибудь оплошности, чтобы наказать. Дмитрий стрелял очень метко, в строю держался отменно, и все задания выполнял так легко, словно занимался этим всю жизнь. Ему помогла физическая сила, которую он развил конными прогулками, плаванием, стрельбой и специальными упражнениями для мышц. Отец учил его быть выносливым мужчиной и лично занимался с ним, а потом Дмитрий уже сам закалял свое тело.

Другой офицер на месте Миллера похвалил бы новобранца за безупречную выправку, но поручик от этого рассвирепел еще больше.

Однажды во время учений Северцев заметил, как Миллер подозвал к себе маленького, черного, как жук, рекрута, по прозвищу Хорек, и что-то тихо приказал ему. Тот подобострастно отковырял ему и вернулся в строй.

Когда поручик велел солдатам заняться бегом, Хорек очутился рядом с Дмитрием и нарочно подставил ему ногу. Юноша споткнулся и упал. Миллер тут же налетел на него, будто коршун.

— Неуклюжий медведь! — заорал он, злорадствуя. — Да ты даже ходить не умеешь! Теперь я уж тебе спуску не дам. Рядовой Северцев, отжаться двести раз!

Дмитрий поднялся и пристально посмотрел поручику в глаза. Потом спокойно сказал:

— Я не буду этого делать, так как не заслужил наказания. Вы нарочно все подстроили!

— Что?.. — заревел Миллер, смертельно побледнев. — Да как ты смеешь, быдло?

Он замахнулся на него кулаком, собираясь ударить в лицо. Дмитрий перехватил его руку и гневно воскликнул:

— Я не быдло! И бить себя не позволю никому!

Рекруты, наблюдавшие эту сцену, остолбенели. У поручика был такой вид, будто его вот-вот хватит удар.

— Взять мерзавца и отправить на гауптвахту! — закричал он, махнув рукой солдатам. — На три дня!

Когда Жаворонок отсидел в холодной положенный срок, получив предостаточно времени для воспоминаний об Оленьке, его вызвали в штаб. Он вошел в казенное помещение, где находились офицеры, командовавшие рекрутами. Среди них был и поручик Миллер, посматривавший на Дмитрия исподлобья, будто волк. Во главе стола сидел полковник лет пятидесяти, с сединой в черных волосах и строгими серыми глазами.

— Проходите, рядовой Северцев! — сказал он с неприязнью в голосе. Дмитрий стал перед ними, словно перед судьями.

Полковник пронзил его взглядом и промолвил:

— Вы нарушили устав, оскорбили офицера. Для вас, по-видимому, армейская дисциплина — пустой звук. Учитывая то, что вас направили сюда как политического преступника, этот инцидент может иметь для вас губительные последствия. Вы это понимаете?

— Господин полковник, осмелюсь доложить о том, что я ничего не нарушил! — решительно сказал Дмитрий. — Я не знаю, почему поручик Миллер относится ко мне с предубеждением. Он постоянно нападает на меня без всякой на то причины.

— Что? Даже стоя перед нами, вы продолжаете бунтовать? — рявкнул полковник. — Ну, это уже слишком! Поручик Миллер, я не то что упрекну вас в излишней строгости к рядовому Северцеву, а, наоборот, прикажу еще ужесточить для него дисциплину. И начнем с того, что этот наглец отправится в карцер на целую неделю! А после выхода из него пускай его держат в ежовых рукавицах. Это мой приказ для всех офицеров!

Выходя под конвоем из штаба, Жаворонок заметил, как победно посмотрел на него и усмехнулся поручик Миллер.

«Змей! — подумал он с негодованием. — И что я ему сделал? За что он ненавидит меня?»

Когда за Дмитрием захлопнулась тяжелая дверь карцера, ему показалось, что его заживо похоронили. Он очутился в сыром подвальном помещении, где ледяной холод в первую минуту пробрал его до костей. Было так тесно, что нельзя было не то что ступить шаг, но даже свободно дышать. В крошечной темноте невозможно было что-либо разглядеть, только слышно было,

как где-то в углу капает с потолка вода, да невидимые крысы скребутся и копошатся под ногами. Дмитрий протянул руку, которая сразу уперлась в стену.

«В могиле и то просторнее!» — с отчаянием подумал юноша, не решаясь сесть на холодный голый пол. Его тюремщики даже о пучке соломы не побеспокоились...

Проведя целую неделю в этом ужасном каземате, не имея возможности двигаться и спать, получая вместо еды заплесневелый кусок хлеба и кружку протухшей воды, юноша упал духом и ожесточился на весь мир. Особенно страдал он из-за жестокости Оли, которая без жалости попраля его любовь и верность, бросив в этот крошечный ад, откуда нет выхода. Она спит на мягкой постели, гуляет в саду, замороженном снежной сказкой, видит синее небо и благодатное солнце, в то время, как он обречен на вечные муки. Даже ее папенька оказался лучше...

«За что, любимая? — шепчет он со слезами. — Я никогда не предавал тебя. И сейчас люблю, не смотря ни на что. Ты для меня — Бог, надежда, жизнь. Почему же мое сердце стало игрушкой в твоих руках?..»

2.

Когда Дмитрий, бледный и похудевший, вышел из карцера, его ждал новый удар. Поручик Миллер определил его своим денщиком, наверняка, для того, чтобы постоянно унижать его и изнурять дополнительной работой. Теперь, кроме каждодневной муштры, Северцеву приходилось таскать воду, рубить дрова и топить печь, убираться в квартире поручика, покупать для него